

ДЕЛО С.

(Измена Родине, шпионаж, взятки. Фрагменты речи)

Летом 1997 года Военной коллегией Верховного Суда РФ было рассмотрено по первой инстанции дело по обвинению бывшего начальника Главка Минобороны С. в шпионаже в пользу британской разведки и получении взяток в особо крупных размерах. Защитительная речь адвоката приводится в частях, посвященных смягчающим ответственность обстоятельствам.

Уважаемые судьи!

Конечная цель любой защиты в уголовном деле — облегчить участь подсудимого. Я буду пытаться делать это, привлекая внимание суда в первую очередь к недоказанности большей части обвинения, от которой нужно избавиться, чтобы приговор был достоин уровня суда, а также к существенным нарушениям законности, допущенным в ходе следствия. Но не для того, чтобы опорочить следователей, а лишь с целью показать необходимость осторожности, умеренности в наказании. Я буду стремиться также обратить ваше внимание на ряд обстоятельств, смягчающих ответственность С. в той части, где вина его несомненна.

Достаточно трезво я отношусь к тому, что рассматривается неординарное по тяжести обвинения дело и что доводы свои излагаю перед высшей судебной инстанцией страны. Это налагает особую ответственность за весомость того, что буду говорить. Готовясь к выступлению перед вами, я старался избежать легковесности, безответственных выводов, фальши и тщательно выверил все ссылки на материалы дела. Вы, конечно, свободны в согласии или несогласии с ходом рассуждений защитника, но то, что все они заслуживают внимания суда, у меня сомнений нет.

Начну с нескольких общих замечаний — о положении с законностью по делу.

Любой, даже самый тяжкий преступник сохраняет в судебном процессе право на два блага: чтобы рядом был избранный им защитник (иначе не будет правосудия) и — на справедливость обвинения (иначе будет расправа).

К сожалению, к этим правам С. органы следствия отнеслись без внимания, пренебрегли ими.

Избранный С. с начала следствия защитник был через семь месяцев отстранен от участия в деле по мотиву недостаточности допуска к спецделам, и почти два года допросы С. велись либо вообще без защитника, либо с участием навязанных ему следствием адвокатов. И только после решения Конституционного Суда РФ по его жалобе, «под занавес», выбранный им защитник был допущен к работе. Это отнюдь не значит, что я был чем-то лучше; более того, оба они были в прошлом полковниками юстиции, а я всего лишь сержантом. Но право обвиняемого на выбор защитника в этот тяжелейший момент его жизни должно быть свято.

Что касается права на справедливость, то с ним дело обстояло так. Единственным источником сведений обо всех вмененных С. фактах — и по шпионажу, и по взяткам — явились его добровольные показания. Все объективные подтверждения его показаний были получены с его подачи и при его помощи. Если бы С. не принес повинную, то и дела бы не было. Но не справедливую оценку повлек в обвинительном заключении его поступок, а натяжки и искажения фактов. В нарушение статьи 20 УПК все, что смягчает или вовсе устраняет вину С., скрыто, зато попытки С. защищаться от неосновательных обвинений именуются так: «В содеянном не раскаялся».

«Классовую» ненависть следователя к С. понять можно. Но когда только она диктует содержание обвинительных заключений (и приговоров), мы и получаем то, что имеем в угрюмой истории нашего правосудия.

К чему я это говорю? Жалуюсь, сетую? Нет. Но дефицит законности, допущенный в этом деле, требует компенсации в виде повышенной взыскательности к уликам и умеренности в наказании.

Была в деле и ненамеренная, ошибочная небрежность. Ни разу С. не предупреждался о праве на отказ от показаний согласно статье 51 Конституции России. Лишь в суде это разъяснение прозвучало. Вы знаете, что согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ — вашему собственному

постановлению — все показания С. на следствии по этой причине не могут использоваться как доказательства его вины.

Есть и вынужденное отступление от законности. Закон, по которому С. обвиняется в измене (ст. 64 УК РСФСР), предусматривает действия только против Союза ССР, против его суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности. Но в 1993 году, о котором идет речь в обвинении, никакого преступления против Союза ССР уже нельзя было совершить — не осталось ни суверенитета, ни территориальной целостности, ни, к сожалению, обороноспособности. Одни руины. И не по вине С. ...

Поэтому вам приходится судить С. по закону, буква которого никак к нему не подходит, то есть по аналогии. А применение уголовного закона по аналогии, вопреки его тексту, запрещено статьей 3 действующего ныне Уголовного кодекса.

Я предвижу, что вы пренебрежете этим запретом. Более того, я готов признать, что это будет вынужденным нарушением закона: деваться некуда, ибо немислимо государство без кары за государственную измену. Но эта кара не будет иметь правовой почвы.

Зачем же я говорю об этом, если это вынужденно? А все затем же: лишь умеренность в наказании как-то совместима с таким пусть вынужденным, но отступлением от законности.

(Далее опущен весь анализ конкретных разделов обвинения)

Итак, я изложил суду свои доводы по существу обвинения, позволяющие отвергнуть большую его часть. Однако есть в нем ядро, находящееся вне спора. Поэтому следует вернуться к тому, с чего начала защита свои объяснения, — к вопросу о смягчающих ответственность обстоятельствах, расширив их перечень.

К сожалению, преступления такого рода не такая уж редкость в истории нашего многострадального государства. И потому мы можем определить место, которое занимает по своей тяжести преступление С. в ряду однородных.

Конституция России еще в 1993 году исключила применение смертной казни как наказания за государственную измену. Высшей мерой наказания по статье 64 УК РСФСР

был, таким образом, оставлен предел в 15 лет заключения. Минимальный предел — 10 лет. В этом диапазоне должны караться все охватываемые составом статьи 64 УК преступления, исходя из степени их тяжести.

Наиболее тяжкими из них, несомненно, должны признаваться случаи «кротов», действующих изнутри органов государственной безопасности. К их числу относятся, например, преступления Лялина, Полякова, Гордиевского, Резуна, обзорная документация по некоторым из них имеется в деле.

С. в отличие от них — технарь, сфера дел — экспорт вооружения. Явно менее тяжелый криминал.

Второй критерий — длительность преступления. Генерал Поляков работал на иностранную разведку 25 лет, Полищук — 11 лет, С. — 1 год. Этот срок определяет и меньшую значимость криминала все в том же диапазоне наказания.

Далее. Есть такой термин — «инициативная вербовка»: субъект сам стремится быть завербованным, предлагает свои услуги. Здесь иное: прямо из текста обвинения следует, что С. был завербован с использованием принуждения, угроз, то есть против его воли.

Еще один момент. Опаснейший случай измены — это работа на противника. Менее опасный — работа на потенциального противника, каковым считался весь западный мир в период «холодной войны». Но «холодная война» кончилась — начался «холодный мир». Оказалось, что нет у нас на Западе потенциальных противников. Более того, президент, выступая перед сотрудниками службы внешней разведки, разъясняет: период глобального противостояния закончился; отношения России с западными странами радикально улучшаются, с некоторыми из них мы вышли на уровень партнерства; принцип военной и внешнеполитической доктрин России ныне состоит в том, что ни одно государство более не рассматривается в качестве противника.

Согласитесь, что это существенно меняет представление о тяжести криминала.

Вопрос о причиненном ущербе. Известный ущерб был причинен действиями С. Но есть что положить и на другую чашу весов, так как С. успел за свою жизнь и пользу прине-

сти: 14 авторских свидетельств об изобретениях в оборонной технике, Государственная премия СССР, 86 печатных работ по лазерной тематике.

Наконец, он нездоров и немолод.

Все это позволило бы просить о наказании в пределах минимального уровня санкции закона. Но есть два исключительных обстоятельства, которые позволяют защите пойти дальше этой просьбы.

Первое из них — роль С. в раскрытии преступления.

В начале 1994 года, находясь с российской делегацией в Сингапуре, С. по телефону узнал от родных, что его сейф и служебный кабинет опечатаны сотрудниками спецслужб, чего никогда ранее не было при рутинных проверках секретного делопроизводства. Имея за спиной то, что он имел, ему нетрудно было понять, что это означает. И он тотчас это понял. В записке, которую позже удалось получить от адресата, С. сообщил, что дома его ждет арест. Предстоял выбор. Не может быть сомнений, что при решении — остаться или нет — он, с его безупречным английским языком, с его репутацией в научной и торгово-промышленной сфере, не испытал бы за рубежом никаких материальных трудностей. Но он отказался от этой реальной возможности и, сделав мучительный, но достойный выбор, вернулся, остался россиянином.

Однако, вопреки его ожиданиям, ни в аэропорту Шереметьево, ни при вызове его 14 января на допрос ареста не последовало.

Протокол допроса в деле. Из него видно, что ставились вопросы, весьма далекие от ожидаемых. Можно было полагать, что все обошлось... 15 января он был вызван повторно. И здесь, под гнетом своей тайны, С. заявил о совершенном преступлении.

На первом листе первого тома находится постановление руководителя Федеральной службы контрразведки от 15 января 1994 года о возбуждении дела. В качестве оснований указаны два: первое из них — сделанное С. заявление, второе — оперативные материалы. Мы знаем, что это за материалы, и знаем, что они могли дать повод для подозрений, но не могли быть уликами. Надежное свидетельство тому — бес-

препятственные двенадцатикратные выезды С. за границу уже после получения этих материалов.

В течение нескольких последующих дней С. представил доказательства своей работы на иностранную разведку. В протоколе допроса от 25 января 1994 года в вопросе следователя содержится оценка им поведения С.: «Вам предъявляется ваше заявление от 15 января 1994 года на имя директора ФСК. Можно ли считать его как явку с повинной?» Отвечая на этот вопрос, С. взыскателен к себе: «Да, но на допрос я был вызван».

И так он держался до конца, все три года следствия. Сейчас мы можем с определенностью сказать, что в те решающие дни января 1994 года С. дважды — при возвращении в Россию и при покаянном заявлении — совершал мужественные поступки. Не ошибусь, если назову это обстоятельство исключительным.

Если не придать этому важного значения и не отразить в наказании, то это будет уроком известно кому. Как у Тютчева: «Молчи, сокройся и таи...» И наоборот, если оценить и отразить, то и это будет уроком для тех, к кому обращается законодатель в примечании к статье 275 нового УК.

Поэтому поступок С. не только заслуживает, но и требует ощутимого отражения при определении наказания. Он стоит на самой ближней грани к тому, что в статье 275 Уголовного кодекса освобождает полностью от наказания.

Второе исключительное обстоятельство связано с неприятным серым листком, на котором ксерокопия удостоверения С. «Жителю блокадного Ленинграда».

Ему было тогда 6 лет, и он оказался блокадником с первого до последнего дня.

Из всех бесчисленных страданий, выпавших на долю народа в великой войне, блокада стала наитяжелейшим испытанием. Казалось бы, сколько лет прошло, а мы и сейчас не могли без спазмы в горле, без слез слушать показания сестры С. о тех днях их жизни втроем с матерью на 375 граммов хлеба в день.

К началу блокады в Ленинграде было около трех миллионов жителей. Из них только на Пискаревском кладбище оста-

лись лежать 960 тысяч. Миллион. Не считая других кладбищ, не считая унесенных по весне ледоходом и умерших потом в больницах других городов. Полгорода вымерло. Вина за мучительную смерть мирного населения огромного города лежит не только на фашистской Германии, но, увы, и на родном нашем государстве. Это оно перед войной истребило весь высший (и почти весь образованный) комсостав армии. Это оно оставило приграничный город без запасов продовольствия. И государство ныне верно оценивает свой неоплатный долг и перед сгинувшими, и перед пережившими эту трагедию. Указом от 18 января 1994 года Президент России приравнял лиц, награжденных знаком «Жителю блокадного Ленинграда», к участникам Отечественной войны по социальным льготам, «преклоняясь перед их подвигом». Амнистия в ознаменование 50-летия Великой Победы освободила от наказания совершивших преступления блокадников наравне с участниками войны, включая и виновных в государственной измене. Но, оказалось, только работавших, то есть взрослых; на «детей блокады» это не распространялось. А ведь они-то и были самыми уязвимыми и страдающими. Мне это кажется несправедливым. Долг перед страдальцами блокады в виде милосердия нужно отдавать и пережившим блокаду детям, этим чудом выжившим дистрофикам.

Как видите, и здесь С. оказался на грани освобождения от наказания.

Сочетание двух этих исключительных обстоятельств позволяет защите просить о применении к нему статьи 43 УК РСФСР — наказании ниже минимального уровня санкции закона.

Благодарю за внимание!

По обвинению в получении взяток С. был оправдан. Была также признана недоказанной значительная часть обвинения в шпионаже. По остальной части обвинения С. был осужден к 10 годам лишения свободы по низшему пределу санкции уголовного закона.